

Ф. 79

Оп. 4.

№ 264

Архив Иванова - Раздвинина

Ремизов Алексей Михайлович
Стихотворения :

- I. Сотворение мира ; II. Тбилизуниса ;
III. Кихишора , IV. Бубоны , V. Кутая - Воиса ,
VI. Икета ; VII. Закливание ветра ,
VIII. Оша - Москва .

Наборная рукопись .

<1903>

19.11.

Стул.: Северные цветы ассирийские. Альманах IV. изд-ва
"Скорпион". М., 1905. С. 70-76; Прометей. 1906. №10. С. 262;
"Северный край" (Ярославль). 1903. 14 февр. №42. С. 2 ;
в новой редакции в кн.: Ремизов А. Торговля и Пасукающие
Самые. СПб.: EOS, 1908.

Отъ вѣка темныхъ, безъ знаемья дней,
Въ хаосѣ бурь и плачѣ жизней,
Въ какомъ то дьявольски-затуманномъ вращеньѣ
Загаточныхъ свѣтилъ и дикомъ рествѣ вихрей
Низримо другъ для друга томилися божества,
Два голубя, Орелъ и Енъ...
И даль безграничная, и тѣмны безформенныхъ созданій,
И гари сквиѣтивья, и тягота избытка власти,
И тоска невысказанныхъ словъ,
И сила невылитыхъ въ созвучья —
Падали афамы, тажили пытками
Впивались въ души Ена и рвали сердце,
Что воли божества ужъ наступалъ конецъ
И смерть была желанной...
Въ отчаяніи Онъ бѣшено метнулся
Въ потокъ дымящихся металловъ — огонь кипучій
И, одинокій вѣчно, вѣчно одинокаго въ полетѣ встрѣтилъ;
Весь обликъ полонъ неразгаданной, скрытой тайны,
Глаза пегальные, глаза темнѣи времени грядущихъ,
Движенья странныя, кончившіяся граней невѣдаемаго міра...

Погря восжглобь ч Ена желанье жаркое...
 И смерти гась оделенться...
 Раскинулась оть вѣтра и ро вѣтра твердь синая,
 И звѣзды тихіе затеплели въ своихъ оконцахъ глазки,
 И медленно веплыла нагъ зацетинившиися лѣсомъ елей
 Ухо ноги - кровавая лѣна - и серебро свое разлила
 По вытѣвшимся изъ камней клягозамъ,
 По алгю застрѣчившиися потокамъ,
 По глади рѣкъ и рѣчекъ зеркально-ясныхъ,
 А блый свѣтъ - сынъ огненнаго солнца -
 Съ зарей зазолотившиися, осыпала землю алыми цвѣтами
 И взоры остѣнли ч человека и птицъ оголосило...
 Енъ видѣлъ все, и радостью бездѣрной его забилось сердце.
 Онъ поднялся на высокоишя вершины горъ Брусяныхъ
 И тамъ любовно потилъ въ своемъ величьи.

Усмѣшкой горькой встрѣтила Омель творенье Ена,
 Усмѣшкой, перелившей горечь въ грѣсть гнетущую.
 Онъ вздохомъ тяжкимъ развернулъ болота топкія,
 Окрасилъ зибельною кровью мертвый мохъ,
 Загархотило, завилъ змилые лишай,
 Агни обманно взявъ средь лѣса,
 Пустилъ змѣю, гервей, уродавъ, заговъ
 И воды, гашу наводнилъ своей мегтой -
 Созданьемъ лежимъ и причудливо красивымъ,

Как бреды замерзающих, но не земных.
И во гложущей тоске в тучанности и праке забился.
Когда жь морозы лютые сковали воздухъ,
Енъ разсвѣтилъ полъ-неба и плещущимъ огнемъ
Очей своихъ взглянулъ на землю...

ПОЛЕЗНИЦА.

Я из красного золота июльских лучей и жара заката вь.

Мое сердце бурливо-красное зноя рождает.

Рожня, выбыва косы, выныряя зарницы из меркнущей ночи,

Звздзныя росы сметаютъ, зрѣють стуженость рѣзю,

Заску гущину стелютъ и герствой корою корою топорушатъ.

Полднемъ таюсь я во ржи, наливая колосья янтарию-пѣвзюи.

Полднемъ таюсь...

Уфъ, гучъ захватило!

Сколько цѣвѣтистыя мелькнуло головокъ...

Товорливо-звчгащая тѣчка зажглась и тихо померкла...

Ненаглядные, милые!

Я не знаю, не полною рожденья, но съ зари до заката тоскую...

тоскую...

Затопила я оти бездонною синью васильковъ моихъ мѣжно-сѣвзущихъ,

Зарю слѣжу изъ ржи, стерегу...

Иридите!

Я полною: ярад тишь погползающихъ грозъ по огнистому меду,

Тѣбѣ вѣтры, какъ псы, языки разметали отъ жажды.

Въ испугѣ, цѣпляясь руженками, вѣтское тѣльце юркнуло въ колосья.

А, захочуась я, мой ты, мой, дорогой!

И въ обзятіяхъ сжана.

Я пила его свѣла незрѣлое, чтивалася воздухомъ душинымъ,

Это ростишь и волнуетъ желанья.

Напрасно!

Нѣтъ цтоленья, нѣтъ превращенья...

Я не знаю, не помню рожденья, но съ зари до Заката тоскую...

тоскую...

Я грючу себѣ разорвѣ, разорвѣ мои огненно-бѣлыя грючи!

О драгнѣи Омель, о тучанность, вѣчно ввощаа непохожіа,
горькіа жизни!

III

КИКИМОРА

На пѣтушкѣ воротъ, крутя курносый носомъ,

Съ гримасою крещенской маски

Кикимора затѣлило чѣлкась

И тистить бережно свое копытко.

Та! приснулъ тонкій голосокъ, ха!

Ищи, ищи, а шапка вонъ на жердч.

Хи-хи! хи-хи!

А какъ спотъ збуранился,

Споткнувшись на гладкомъ мѣстѣ...

Влюбленнымъ напяля я желцки.

Та! ха-ха-ха-ха!

Бабушкѣ я плюнула во уши,

А дѣду въ бороду пгелу пустила,

Аукнула-мяукнула Оде подъ пощѣлчи...

Я пьяницу завѣла кригашимъ сномъ

И оголила...

А, вонъ резина: вспугну я птиску!

Кикимора вся затряслась, заколебалась,

Отъ хохота за толстые животики схватилась.

Пѣту! ты, проклятая! послышалось досадное ворганье.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Ха! ха-ха-ха... ха! ха-ха-ха...

И только латки тонкія сверкнули

За поле, въ лѣсъ сплетать обмань,

Прицѣлы съятъ и го цюра хохотать.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

БУБЫЛЯ.

Въ тѣсныхъ и низкихъ потолкахъ, глухихъ, какъ гроба,
 Хоронится сгорбленный скорбью, навѣки безмолвный Бубыля.
 Его темно-пушинные взоры дневной свѣтъ мразитъ,
 И сѣдые гервы ползутъ, и плѣсень и всякія слизи
 Кишатъ вокругъ него и мутятся и падаютъ жилища.

Ни мгновенію свѣтлому, ни внезапному счастью,
 Ни мечтѣ, ни надѣянной грѣзѣ
 Не войти въ его сердце, прорѣвленное тщетность зешного
 Созанья.

Мгновенья рѣшили желанья, крушили члѣбки,
 Горечь и скорбь, нарастая, какъ смерзь, закипали
 И гибельно читались по знатвеннымъ рѣчамъ.

Закривайте плотные двери, не говорите громко о счастьѣ,
 Шапте лелѣиное слово, возлюбившее солнце,
 Расставайте цѣлгу, безъ оглядки живите полдневною жизнью!

Ужъ меркнутъ прозрачные свѣтлы стѣнныхъ угловъ.
 Мутныя тѣни столбаши ложатся.

Въ пополуѣ черно и злобще - безжалвно.

На пороѣ мизнуци стеклянно-холодныя блестяки...

Кто-то скользнуѣ и мышью загрызся...

- О, забылъ я не взял, не чкралъ!...

Ты, тоска, соблазняя родною, любимой члбкой,

Ты, тоска, схватила варту рѣки и жала...

Такъ больно... А смерти больно... мнѣ... —

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
КУТЬЯ-ВОЦСА.

Въ полночь онъ пробудились
Отъ долгаго сна и проклятія.
Въ полночь по свѣту полгались
Съ визгами, пѣніемъ, хохотомъ.
Ихъ зеленіе волосы въ тугахъ разсыпались,
Вытсы, нѣжатся къ мѣсяцу сонноцу.
Кто-то дернулъ за колоколь,..
Тѣхъ рвутся звѣки чиниле...
Въ хороваго собрашевъ, взылись за рѣки
И взлетаютъ, летятъ,
Кольхал-иградъ серебряно-снѣжными грядями.

Холотъ... рычаніе...

Вой ... тоскованіе...

Радость подбѣги, крики безумья,
Скорбь гробовал, пѣсенъ царей...

Идите, снѣшите!

Есть много забывшихъ
Кругъ своей жизни замкнутъ.

Идете, врывайтесь, губите!

Вамъ власти - именованье.

Поллица и чутъ, стаи знатчтъ и четчтъ, разршають.

Во тешницѣ разсвѣтъ голубой издываетъ.

Крестъ золотой погребень.

Слѣхоль засыпанъ, въ длинныя косы замотанъ.

Одежда проклятѣи сурвана съ блага тѣла.

И брошена въ прорубь.

—

VI
И К Р Е Т А

Кто въ морозныя, лунныя нога такъ жалобно стонетъ?

Кто осипаетъ съ деревьевъ иней энецужный?

Кто цпоенбелъ и нбгой лветъ тихя лбси

И бблыя нога бблито и сиццаетъ?

Вы, Женщины Лбса, вы, лбтницы Енова царства,

Вы, порожденве загадокъ Ошеля, съ губами подвижницъ, —

Верхъ сладостраствя, бездна томленья...

Зарцйте жъ, ласкайте книгами твбсгеструнныхъ налбвова,

Колыбите волнистыя нивы волосъ своихъ томныхъ,

Лелайте мраморность ликовъ и сладкя грудя...

Но, оттого тоска безысходная,

Торезъ стбненныхъ норывова,

Звонъ опрокинутыхъ свадебныхъ гашъ?

Ты, чбтал дикою розой,

Роскошная, ясная,

Ты стоишь и нблбешь?

И рыданье крожитъ на устахъ поблбдбвшихъ,

И влажно-озерные взоры потерянно бродятъ...

Тб твои ребенокъ, гдб плодъ Человбка?

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Жука шибъ сердце щемитъ, надрываетъ.
Тешно-грѣтящій приѣвъ...
Одиночество страникъ....

VII

ЗАКЛЧНАНІЕ ВЪТРА.

Это ты, глупый, глупишь, вѣтеръ?
 Это ты, буйный, мечешь листья,
 Пляшешь, стонешь, воешь, колешь...
 Вѣтеръ, Бабушка жива!

Волны въ рѣкѣ ты взбурляешь,
 Ивы долу пригнеташь,
 Пылкой пылью воздуха топишь...
 Вѣтеръ, Бабушка жива!

Пешный вѣтеръ, или не слышишь:
 Не рыданье, не стenanье -
 Вкрутъ загло ликованье...
 Жизни, жизни нѣтъ конца!

Успокойся жъ, вѣтеръ зоркій,
 Утиши свой трепетъ звонкій.
 Я волнуюсь, мнѣ такъ жутко...
 Вѣтеръ, Бабушка жива!

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
 VII
 ОШКА-МОСКА.

Сиреневая капелька-птичка рбала съ разсвѣ-
 та въ зацѣтѣвшихъ лѣтнихъ-золотыхъ воздѣхъ, беззабот-
 но переговаривая свою незатѣливую пѣсенку.

Неугомонные толкачики толклись безцѣтали.
 Бѣловатныя, балованныя тѣчки, грѣшно брожив-
 шія по восхоуду, протянули полднемъ грѣхъ грѣхѣтѣ пуховыя
 рѣзгенки, схватились и, дастаясь, прижимаясь, понеслись.

Напряженно-нѣжныя, бронзовыя сѣмерки вѣрѣхъ
 зарыгали протяжно и глухо.

Душистыя капли цтали и затпадали быстро
 и шумно.

Это она шла и призывно тѣрѣдила въ своей
 оленій рогъ, весна шла вслѣдъ нѣжному, разыгравшемуся
 стаду барашковъ, весна съ лицомъ бѣлой ноги, въ вѣнѣхъ
 бѣлыхъ цвѣткахъ лѣсныхъ ягодъ, увитаъ съ головы до ноги
 змѣинымъ и кровавымъ бархатомъ лишаево и лѣтно-
 -крѣпкой кисеей шовъ.

Ошка-Москва — Быхъ-ра-корова — рѣдѣга

Дождикъ - дождикъ, перестань!

Мы подемъ въ Аристанъ:

Богу молиться,

Христу поклониться.

Выкрикивали ребяташки, приптпывая босыми ножками и вытягивая загорблыя рзгенки подъ улыбающіяся дождевыя капли - цвѣты весенніе...

Я взобрался на высокій березъ-горч съ крутыя спускомъ къ затихающей рѣкѣ.

Сіяетъ солнце до боли яркое, горяге - жарное.

Въ воду сквозь тающую тучу врѣзается радуга - Бѣкъ, выгнанный на водопой послѣ цупрно-гоузой зчлы, пестрый Бѣкъ съ небесныхъ полей.

Внизу у двери покачнувшейся старой - престарой избушки, промокшей подъ половодьемъ, стоитъ, прислонившись, Водяной въ бѣлой рубахѣ, весь заросшій позелѣнвшей думевой бородой - грозный Вася, препоясанный серебряными кольцами, - стоитъ и не спускаетъ глаза съ юрко-шныряющей черной лодки, гдѣ усблись два Лѣсныхъ Человѣка съ выворогенными платками.

- Бѣлый! звонко закричалъ одинъ изъ нихъ, и надъ теломъ-бронзовою, взрагивающей его спиной взвивается серебристая, трепещущая рыба.

- Червей подложи! воргливо оретъ дрчгой.

- Черный! снова раздается звонкій окрикъ.

Вдоль острова, выглядывающего крестиками затопленных елей, улетает-мелькает лодка, тёмно переполненная женщинами в бѣлых, раздуваемых платках, а множество взмахивающих весель блещут-играют, тожь-вь-тожь забрызганные крылья гакъ.

Что это: и жалобный крикъ-окликъ и взрывчатый хохотъ и притягивающая, топогушая воркотня-пѣсня?

Это - безутѣшные гайки, одинокиа ищутъ-летаютъ, это - плаги Женщины Аѣса, стоны Пѣлезницы, вздохи Бубыи, это - гѣти на перегонки бѣгутъ по мягко-зеленой тропкѣ въ опаловыхъ росинкахъ, это - гѣти ползутъ и летятъ мимо меня кодь откосъ къ голубой-голубой, тихой рѣкѣ, это - бабожки, жуки, гусеницы, муравьи, пчелы въ цвѣткестомъ нарядѣ, въ тонкихъ, заревыхъ шелкахъ, въ шумѣ энужжань, стрекотки и птичьего лепета.

Сѣя-то шатка бѣлтыхнцалась въ воду.

И! какой галъ, сколько вздерошенныхъ головокъ, плесковъ, хрустальныхъ брызгъ, мгновенныхъ слезинокъ...

Ха! ха-ха-ха... ха! ха-ха-ха... Заливается Кичиора.

А вотъ и лохнатый Аѣшакъ съ еловыми

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

лицомъ кавыляетъ.

- Здорово! И ты пришел, то-то; по зись и ввѣкъ не заглянешь, то-то! улыбается она, сжимая лить руку смолистой рукой, и спускается внизъ къ Водяному.

Рѣка - небо безбрежно чистое - и плыветъ и покоемъ.

Уйдутъ забытыя тучки, не успѣвшія рас-
считать по землѣ свои формочки-лепестки, спадетъ
дневная теплынь, и она зачистится, и скользящія
лодки - остроносые, герныя рыбы - станутъ остав-
лять синеватыя слѣды, какъ бы движеніемъ своимъ
снимая зустыя, румяныя сливки.

А край неба и восходъ покроются ало-
пурпурной, шелковистой тканью и дудутъ рѣтѣтъ,
пока не дыхнетъ безъ сущрака нозь, и не зарѣбитъ
голубой островокъ зеркальной воды, — тогда заходъ
совется съ восходомъ въ дымящемъ, зустомъ
пурпурѣ, и по всему небу раскинутся, разбредутся
ламиново-золотистыя лужи, и гервно-золотое
солнце выгянетъ на свѣтъ Божій...

Указ, герная лодка Юрко шныряетъ взадъ
и впередъ, Лѣсные Люди наклонились на бортъ и
тащутъ огромную чюгку съ полѣномъ вѣвсто
полдѣвка.

Изъ избушки высунула Бабушка сучоватое

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

лицо и скалитъ отъ солнца свои острые зубы.

А дѣти все бѣгутъ одинъ за другимъ, одинъ за другимъ и машутъ руженками и кричатъ и дерутся.

- Бѣгай ты, башмаковъ издерешь, на негѣлю не хватитъ! Ворзится она на рыжеватую дѣвчушку съ рѣдкими глазенками и звонко-звонко хохотущими, тонкими зубками.

И я стою на высокомъ берегу среди пестрой, болтающей мелкооты, гдѣюсь и дышу - не отдышусь отъ зимнихъ невзгодъ, отъ людскихъ злодѣй, подтопившихъ сердце мнѣ...

Дѣти, милая вы моя!

И вотъ-вотъ взобьются и у меня крылья и я полечу высоко къ радугѣ - Быку небесныхъ полей, ненадежно хлебавшему рѣдкую, ступенную вогу, и я полечу...

Алекси Релизовъ.

(Херсонъ, гостиница Лонданская)